

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ПИЧЕТЫ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru*

Рассматривается связанная с установлением административной границы между БССР и УССР после 17 сентября 1939 г. деятельность В. И. Пичеты, привлечение его в качестве эксперта для решения вопроса о судьбе вывезенного в конце октября 1939 г. из Вильно в Минск Исторического архива, участие в сессии АН БССР в октябре 1940 г. Отмечается, что с началом Великой Отечественной войны ученый активно включился в научную работу, носившую военно-патриотический характер, возглавляя находившийся в эвакуации в Ташкенте сектор славяноведения Института истории АН СССР, выступая с лекциями и докладами во Всеславянском комитете, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР, перед бойцами и командирами Красной Армии, на радио. Несмотря на непростые отношения с белорусским партийным руководством В. И. Пичета вел активную работу в Отделении общественных наук АН БССР, выступал с докладами на ее сессиях, возглавлял подготовку «Истории Белоруссии».

Ключевые слова: В. И. Пичета; П. К. Пономаренко; Т. С. Горбунов; В. Н. Перцев; И. Ф. Лочмель; К. Калиновский; Виленский исторический архив; Ташкент; Всеславянский комитет; Славянская комиссия; «История Белоруссии»; «История Польши».

SCIENTIFIC, PEDAGOGICAL AND SOCIAL ACTIVITIES OF V.I. PICHETA ON THE EVE AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

M. F. Shumeiko

The article considers the activities of V. I. Picheta connected with the establishment of the administrative border between the BSSR and the Ukrainian SSR after September 17, 1939, his involvement as an expert to resolve the issue of the fate of the Historical Archives taken out at the end of October 1939 from Vilna to Minsk, and his participation in the session The Academy of Sciences of the BSSR in October 1940. It is noted that, with the outbreak of the Great Patriotic War, the scientist was actively involved in scientific work of a military-patriotic nature, heading the sector of Slavic studies of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, which was evacuated in Tashkent, delivering lectures and reports at the All-Slavic Committee, Slavic Commission under the Presidium of the USSR Academy of Sciences, in front of the soldiers and commanders of the Red Army, on the radio. Despite the difficult relations with the Belarusian party leadership, V. I. Picheta was active in the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of the BSSR, made reports at its sessions, headed the preparation of the "History of Belarus".

Keywords: V. I. Picheta; P.K. Ponomarenko; T.S. Gorbunov; V.N. Pertzev; I.F. Lochmel; K. Kalinovsky; Vilna Historical Archives; Tashkent; All-Slavic Committee; Slavic Commission; "History of Belarus"; "History of Poland".

Своего рода «ключом» к раскрытию обозначенной в названии статьи темы может служить переписка находившегося с осени 1941 по лето 1943 г. в эвакуации в Ташкенте В. И. Пичеты с коллегой по МГУ и Академии наук Союза ССР, историком, профессором М. Н. Тихомировым, пребывавшим в это же время в Ашхабаде. Сообщая адресату, что только в усиленной работе он находит спасение от посещавших его «тяжелых мыслей» и «подлого» настроения, Владимир Иванович вместе с тем ни на минуту не сомневался в победоносном окончании Великой Отечественной войны. «Знаю, – писал он 16 марта 1942 г. – что в конечном итоге победа будет за нами» [32, с. 225]. И свою статью о белорусской историографии, напечатанную в юбилейном издании, посвященном 25-летию исторической науки в СССР, Пичета также завершает пророческими словами: «...близок час, когда героическими усилиями доблестной Красной Армии и всего советского народа будет уничтожен коварный враг, обрекающий белорусский народ на гибель и уничтожение. Тогда вновь создадутся благоприятные условия, при которых изучение истории Белоруссии вступит в новую полосу своего развития и расцвета» [30, с. 188]. При этом, заметим, в личном дневнике военных лет ученый давал волю эмоциям в отношении «кремлевского затворника», как именовал он И. Сталина, отгороженного стеной от народных масс и не знавшего «ни [их] страданий, ни слез» [31, с. 333].

Но вернемся к событиям кануна Великой Отечественной войны. Именно тогда знания недавно возвратившегося из ссылки в Вятке, а затем Воронеже¹ ученого, оказались особенно востребованными. Буквально через две недели, прошедшие после 17 сентября 1939 г., Минский обком КП(б)Б обращается к нему с просьбой в очередной приезд в Минск прочитать для интеллигенции белорусской столицы доклад на тему об исторических судьбах Западной Беларуси и Западной Украины, «особенно о борьбе белорусского и украинского народов против польского ига» [4, л.20]. В это же время в Москве массовым тиражом выходит написанная им брошюра под таким же названием: «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии».

Неоспоримым признанием научного авторитета В. И. Пичеты как ведущего слависта стало его избрание в 1939 г. членом-корреспондентом союзной Академии наук. В скобках заметим, что звание действительного члена АН БССР, которого ученый был лишен 6 декабря 1930 г. постановлением белорусского правительства, ему возвратили лишь в 1940 году. И в этой связи нельзя не согласиться с мнением немецкого исследователя Р. Линднера о том,

¹ В отличие от Вятки, где Пичета работал нормировщиком в одном из рабочих кооперативов города, в Воронеже, куда ему разрешили переехать в 1934 г., он читал лекции в местном педагогическом институте, занимался научной деятельностью, работая в областном архиве над темой: «Помещичье хозяйство и помещичьи крестьяне в Воронежской губернии в связи с реформой 1861 г.». Заполняя 28 сентября 1934 г. анкету для работы в читальном зале архива, Пичета указал адрес: ул. Ветеринарная, д. 6, кв. 6. (ныне ул. Кости Стрелюка, в центре города). Последний заказ архивных дел, сделанный Пичетой, датирован 27 марта 1935 г. За сообщение этих сведений автор признателен проф. Воронежского университета А. Н. Акиньшину.

Мы намеренно так подробно остановились на этом драматическом периоде в жизни ученого, чтобы развеять существующие вокруг его имени легенды, связанные с возвращением в Москву в 1935 г. Одна из них гласит, что из Воронежа ученого якобы вернули по личному указанию Сталина, привезли в Москву, «отмыли, накормили досыта, переодели в приличный костюм, даже отыскивали пенсне «с чужого носа».

что «Калі ў Маскве Пічэта вярнуў сабе ранейшыя ўшанаванні ды павагу, дык у Мінску ён заставаўся спрэчнай фігурай» [17, с.312].

И действительно, когда в мае 1937 г. Славянский институт в Праге решил ввести его наряду с Н. Н. Дурново и П. А. Бузуком в состав своих почетных членов, Президиум АН БССР категорически возражал против этого, даже несмотря на мнение НКВД СССР, считавшего целесообразным «удовлетворить просьбу чехов, т.к. это будет дальнейшим шагом к укреплению наших культурных связей с Чехословакией» [34, с. 774]. Правда, преемник академика Б. Д. Грекова на посту директора Института истории АН СССР А. Л. Сидоров в своих не публиковавшихся при жизни воспоминаниях, давая высокую оценку В. И. Пичете, более других, по его мнению, подходившему на должность директора Института истории с его созданием в 1936 г. («Но с ним в Белоруссии что-то произошло. Говорили потом, что он был обвинен в национализме, был снят и выслан»), в то же время писал: «Он ... появился на московском горизонте, но не пользовался доверием, и к нему *относились как к подозрительному человеку* [выделено мною—М.Ш.]» [8, с. 465].

С учетом этих обстоятельств более чем понятен интерес белорусских органов госбезопасности к общественной деятельности ученого. В записках наркома внутренних дел Л. Ф. Цанавы на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко регулярно сообщалось о поступавших на него «компрометирующих материалах». Так, 6 декабря 1939 г. Цанава доносил Пономаренко, что В. И. Пичета и «после отбытия наказания своей контрреволюционной деятельности не прекратил» [34, с. 824]. 20 декабря 1939 г. он докладывал тому же адресату, что «Пичета 14 ноября 1939 г., возвратясь из Минска, в кругу своих знакомых распространял провокационные слухи, что, якобы благодаря невежеству Красной Армии при занятии Западной Белоруссии было сделано много ошибок, и привел пример: «Нагнали ненужное количество танков, а пехоту в пути задержали и, благодаря этому, бывшее польское войско обливало танки бензином, керосином и живьем сжигали танкистов». Затем Пичета несколько раз повторил фразу: «Нет, Польша не уничтожена. Еще неизвестно, что будет». Дальше Пичета высказал свои крайне озлобленные антисоветские настроения: «Я с политикой Советской власти не согласен и никогда не соглашусь, и терпеть ее (власть) не могу. Кругом хамы и больше ничего. Советский Союз – это фашистский застеночек, а не социализм. Все то, что пишут в газетах – самохвальство и идиотизм». На вопрос, почему же Пичета ведет общественную работу, Пичета ответил: «Я делаю это для того, чтобы сохранить себе жизнь» [27, с. 319–320].

И тем не менее, несмотря на сохранявшееся негативное отношение партийно-государственного руководства Беларуси к бывшему первому ректору БГУ, оно вынуждено было считаться с его высоким научным авторитетом историка-медиевиста, слависта, знатока архивного дела и привлекало в качестве эксперта по многим острым вопросам, возникавшим после 17 сентября 1939 г. Одним из них стал вопрос об установлении административной границы между Беларусью и Украиной. Согласно постановлению Верховного Совета Союза ССР от 1 и 2 ноября 1939 г. Верховные Советы Белорусской ССР и Украинской ССР должны были представить на его рассмотрение соответствующие проекты разграничения западных районов и областей между республиками. Как вспоминал первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, познакомившись с

присланным из Киева проектом, который его «просто ошеломил» (по нему к Украине должны были отойти Брест, Пружаны, Столин, Пинск, Лунинец и Кобрин, а также большая часть Беловежской пуши), он дал указание подготовить свои обоснования и предложения, для чего привлечь «обильный исторический материал, включая многие архивные документы» [14, с. 298–300]. Вот тогда-то и вспомнили о В. И. Пичете. В его личном архивном фонде находится авторизованная машинопись документа на 15 листах, подписанного 16 ноября 1939 г. и названного архивистами справкой «К вопросу о южной границе БССР, составленная для НКВД СССР» (на наш взгляд, правильное было бы ее именовать докладной запиской) [1; опубл.: 28, с. 316–325]. Идентичный экземпляр этого же документа (в нем имеются лишь незначительные разночтения с предыдущим вариантом в виде сделанных Пичетой правок) хранится в фонде ЦК КПБ (культурно-просветительский отдел). Он датирован 18 ноября 1939 г. и назван белорусскими архивистами «Статьей В. И. Пичеты «К вопросу о южной границе БССР» [20]. Именно с него была изготовлена машинописная копия, отосланная 20 ноября 1939 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова при следующем сопроводительном письме П. К. Пономаренко: «Направляю копию *докладной записки* [выделено мною–М.Ш.] члена-корреспондента Академии наук СССР т. В. Пичета, сообщающего интересные материалы по вопросу о разграничении областей и районов между БССР и УССР» [21; опубл.:40, с.419–426].

Основной вывод, сделанный автором записки, сводился к следующему: «Никоим образом нельзя руководствоваться одним этнографическим материалом, да еще на основе такого шаткого источника, каким является “диалектология”...Этнографическая карта Белоруссии, составленная Карским в 1918 году, отнюдь не может быть положена в основу проведения границы между УССР и БССР...В основу разграничения УССР и БССР должны быть положены старые административные границы, хотя не охватывающие всего белорусского населения, но в общем правильно устанавливавшие этнографическую белорусско-украинскую границу» [28, с. 318, 324]. Не вдаваясь в детали научно аргументированного содержания записки (об этом уже неоднократно писали белорусские историки), отметим лишь, что она, на наш взгляд, сыграла позитивную роль в принятии окончательного решения на состоявшемся 22 ноября 1939 г. у И. Сталина совещании, рассмотревшем и решившем вопрос об административной границе между БССР и УССР в том виде, как она существует и сегодня в статусе уже Государственной границы между двумя суверенными государствами.

В начале 1940 г. к Пичете как специалисту в области архивного дела обращается уже внешнеполитическое ведомство Союза ССР. Обращение вызвано заявленной 13 декабря 1939 г. Литовской дипломатической миссией в Москве Советскому правительству Нотой в связи с вывозом из Вильно в Минск архивного и книжного собрания (вывоз был предпринят 14 – 23 октября 1939 г. по распоряжению заведующего отделом культуры и просвещения Временного управления Виленским округом И. Ф. Климовым в нарушение заключенного 10 октября этого года Договора между СССР и Литовской Республикой). Вероятно, после приема В. М. Молотовым 16 марта 1940 г. литовского посланника Наткевичуса, настаивавшего на возвращении Литве вывезенных архивных и книжных собраний и последовало обращение внешнеполитического ведомства к

В. И. Пичета с просьбой дать заключение об архивно-книжном собрании. В марте 1940 г. ученый направляет в Отдел Прибалтики НКВД Союза ССР подготовленную им записку о распределении документов вывезенных из Вильно в Минск Исторического архива, а также книжного собрания Государственной библиотеки им. Врублевских между Беларусью и Литвой. В ней он пишет: «По распоряжению *Правительства БССР* [выделено мною—М.Ш.] из Вильно вывезено 17 вагонов различных исторических материалов; 16 вагонов благополучно прибыли в Минск, *один где-то в дороге затерялся и до сих пор еще не разыскан* [выделено мною—М.Ш.], хотя соответствующие меры уже приняты» [38, с. 252]. Далее, опираясь на основополагающий принцип архивоведения—принцип происхождения — ученый полагал возможным вернуть Литве те документы, которые связаны происхождением с ее территорией, оставив в Минске лишь то, что относится к Беларуси. Что касается книжного собрания, он считал целесообразным вернуть его полностью обратно, исходя из неделимости библиотечного фонда и оставить лишь издававшиеся в 1919–1939 гг. на белорусском языке журналы, крайне необходимые, по его мнению, для будущего историка. Опираясь на эту, носившую характер экспертного заключения записку, Совнарком Союза ССР принял 28 мая 1940 г. распоряжение, в котором предложил Наркоминделу Союза ССР «вернуть правительству Литовской Республики книги и не имеющие историко-революционного значения архивные материалы, вывезенные из Вильно в г. Минск за время 14–23 октября 1939 г.» [10, с. 209]. Для отбора материалов, подлежащих передаче Литовской Республике, в начале июня 1940 г. в Минск из Москвы выехала комиссия в составе представителей НКВД, АН СССР во главе с руководителем ГАУ НКВД СССР И. И. Никитинским, выявившая впоследствии большие недостатки как в организации перевозки архивных и книжных собраний, так и в обеспечении их сохранности [подр. об этом см.: 38].

Между тем, сам В. И. Пичета как представитель Академии наук был включен в состав созданной 15 июня 1940 г. комиссии ГАУ НКВД СССР, которая должна дать свое заключение относительно документов затерявшегося, как полагал Пичета, вагона. На самом деле 20 тонн находившихся в вагоне архивных документов в декабре 1939 г. благополучно поступили на хранение в секретный Центральный государственный особый архив СССР (г. Москва). В составе комиссии Пичета работал с 19 июня по 9 июля 1940 г. Его подписи стоят под протоколом заседаний комиссии, а также под составленными ею пятью списками архивных фондов, подлежащих и не подлежащих передаче Литве [10, с. 218–224].

Помимо подготовки экспертных заключений В. И. Пичета выкраивает время и для научной деятельности, которая напрямую связана с происходившими событиями. Летом 1940 г. в Минске выходит в свет книга белорусского историка И. Ф. Лочмеля «*Барацьба беларускага народа супроць інтэрвентаў (Да 20-й гадавіны вызвалення Беларусі ад белапольскіх акупантаў)*»¹. Осенью этого же года в Москве, в военном издательстве НКО Союза ССР массовым тиражом издается книга этого же автора под названием

¹ В нашем распоряжении имеется экземпляр этой книги с дарственной надписью автора следующего содержания: «Академику Владимиру Ивановичу Пичете», датированной 19 июля 1940 г.

“Очерк истории белорусского народа против польских панов”¹, во многом повторявшая минское издание. В. И. Пичета пишет рецензию на обе книги и направляет ее в журнал «Историк-марксист». Основное внимание в ней рецензент уделяет характеристике политических взглядов К. Калиновского. Она явно идет вразрез с реанимированной и ставшей к тому времени официальной оценкой Калиновского как «вождя крестьян Белоруссии и Литвы в борьбе за национальное и социальное освобождение». Пичета не согласен с позицией автора рецензируемых книг в том, что «Калиновский стоял за независимую демократическую литовско-белорусскую республику». Главный вывод, который он делает на основе анализа соотношения классовых сил в восстании 1863 года в Литве и Беларуси, а также изучения содержания «Мужыцкай правды», состоит в том, что «К.Калиновский – польский революционный демократ, сторонник независимой демократической Польши, в которую территориально должны были войти Белоруссия с Литвой». Понятно, что рецензия с такими выводами не могла быть напечатана без согласования с белорусским партийным руководством. Последнее в лице секретаря ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунова резко возражает против таких оценок Калиновского. В подписанном им 29 апреля 1941 г. письме в редакцию журнала говорится: «Мы возражаем против причисления Кастуся Калиновского к “польским революционным демократам”, как это делает профессор Пичета, т.к. это не отвечает исторической действительности». Рецензия Пичеты так и осталась не напечатанной, сохранившись в машинописном виде в архиве ЦК КП(б)Б [22, л. 170–190; опубл.: 36, с. 7; 39, с. 215–222].

Осенью 1940 г. В. И. Пичета уже в качестве действительного члена белорусской Академии наук² принимает участие в работе ее выездной сессии, проходившей в Белостоке 12–14 октября и посвященной годовщине освобождения Западной Беларуси. 12 октября он выступает с докладом «Борьба белорусского народа за свое освобождение», высоко оцененным и вместе с тем вызвавшим ряд критических замечаний со стороны участвовавшего в работе сессии Янки Купалы. В адресованной ученому записке Купала пишет: «Владимир Иванович! В своем прекрасном докладе Вы не вспомнили о инквизиции на Беларуси, которая свирепствовала в свое время, в особенно[сти] в Полоцке. Польские историки, кажется, это явление затушевы[ва]ют. Также Вы не вспомнили о колонизации Беларуси татарами» [15, с.201].

Возвращаясь из Белостока, Пичета останавливается в Гродно, где осматривает Исторический музей и составляет экспертное заключение, направленное как против возможного расформирования музея, так и призванное содействовать обеспечению сохранности культурных ценностей в Западной

¹ Книга подписана к печати 20 сентября 1940 г.

² В документальной и справочной литературе указывается (без ссылок на источник), что В. И. Пичета в 1940 г. был восстановлен в звании академика АН БССР [см., напр.: 26, с. 673 (прим.21); 7, с. 87–88 и др.]. Однако, в подписанных президентом АН БССР академиком Н. А. Борисевичем предложениях о возможности восстановления в звании академика АН БССР ученых АН БССР, 15 июня 1978 г. направленных в ЦК КПБ, читаем: «В многочисленных работах, посвященных жизни и научной деятельности В. И. Пичеты и опубликованных в послевоенный период, он называется академиком АН БССР. Однако документов об отмене постановления СНК БССР от 6 декабря 1930 г. о лишении его звания академика в опубликованной литературе и в личных делах Пичеты, хранящихся в архивах АН БССР и АН СССР, обнаружить не удалось». С учетом этих предложений секретариат ЦК КПБ 14 декабря 1978 г. принял постановление «О восстановлении в звании академика АН БССР тт...Дубаха А. Д., Дурново Н. Н., Некрашевича С. М. и Пичеты В. И.» [25, л.75–83].

Беларуси. «...музей города Гродно, – пишет он,– является музеем не узко местного характера, а областного характера. В силу этих соображений я полагаю, что все музейные ценности не подлежат разделу и выделению, за исключением дублетов, которые могут быть переданы в организуемый при АН БССР Белорусский исторический музей. При этом считаю своим долгом добавить, что согласно указаниям Председателя Президиума Верховного Совета тов. Наталевича, о чем в ближайшее время будет письмо, никакие материалы не могут быть переданы без разрешения Президиума Верховного Совета БССР» [23, л.31].

Война внесла существенные коррективы в жизнь ученого. Осенью 1941 г. В. И. Пичета, как и большинство его коллег по Академии, эвакуируется в Ташкент. Как члену-корреспонденту ему предоставляют две комнаты в доме по ул. Пушкинской, 84. В одной из них ученый разместился с женой Александрой Петровной; в другой проживали его первая жена М. В. Зызыкина с дочерью Ксенией, что вызывало порой беззлобные шутки со стороны его окружения. Как вспоминал сосед Пичеты по проживанию в Ташкенте, сын Якуба Коласа Данила: «Некаторыя паблагліва кпілі з такой сітуацыі, але пераважная большасць бачыла ў такім учынку Пічэты акт высокародства – не кінуў у бядзе адзінокую, нямоглую жанчыну» [18, с. 119].

Несмотря на бытовые неудобства, и другие возникшие проблемы, В. И. Пичета сразу же включается в научную жизнь, прежде всего в плане собирания кадрового потенциала сектора славяноведения, инициатором создания которого в 1939 г. он был. В сложнейших условиях военного времени он устанавливает контакты с коллегами. 23 октября 1941 г. из Казани ему пишет директор Института истории АН СССР академик Б. Д. Греков: «Дорогой Владимир Иванович! Узнал, что Вы в Ташкенте. Очень хочется быть с Вами вместе, но Институт наш направляют в Алма-Ату» [8, с. 254]. Коллега по МГУ и сектору славяноведения Зденек Неедлы, покинувший Москву на второй день после отъезда Пичеты, пишет в середине ноября 1941 г. из Куйбышева, что хотел ехать в Ташкент, но его задержал зам. председателя Совинформбюро С. А. Лозовский [2, л. 1]. Далее он сообщает о своей большой работе во Всеславянском комитете, к которой собирается приобщить и Пичету как «главного специалиста по истории славян» [2, л.4]. Находившийся с 1939 г. в ссылке в кишлаке Пахта-Арал (Южный Казахстан) белорусский архивист и археограф Д. И. Довгялло, с которым Пичета знаком еще с детства, благодарит в письме от 26 ноября 1941 г. адресата за присланные ему 200 руб. и высказывает сочувствие его незавидной доле эвакуированного из «пышной столицы СССР в Ташкент» [11].

Лишенный возможности читать лекции студентам, Пичета выступает в Ташкенте перед офицерами, выезжает в командировки в Москву, где опять же читает доклады военно-патриотической тематики в воинских частях, выступает по радио. Позже, в письме к своей ученице И. М. Белявской 8 августа 1943 г. он напишет: « Я горжусь тем, что Военный округ в Ташкенте отметил мою лекторскую деятельность Почетной грамотой. Ведь я прочел в военных частях почти 150 лекций независимо от времени года, часа и расстояния» [33, с. 123]. Ученый участвует в подготовке научных трудов и учебников по истории приютившей его республики. Для работы над «Историей Узбекистана», автором 1-го тома которой он является, Пичета изучал узбекский язык и читал на языке

оригинала «Анекдоты Насретдина Афанди», изданные в Ташкенте в 1941 году. Под его редакцией в 1943 году выходит в Ташкенте 2-й том учебника «История Узбекистана». Совместно с переехавшим в начале 1942 года из Казани в Ташкент выше упоминавшимся академиком Б. Д. Грековым, а также С. В. Бахрушиным, С. Б. Веселовским и др. он участвует в работе по составлению Историко-терминологического словаря. 3 апреля 1943 г. Пичета выступает с докладом «Б. Д. Греков как историк Киевской Руси» на заседании Института истории, посвященном присуждению Грекову Сталинской премии первой степени [8, с. 454]. Доклады ученого «Русское славяноведение и его задачи», «Польша и Советский Союз», «Европейские державы и Польское восстание 1830 г.», не носившие, по мнению современных российских историков, ярко выраженного конъюнктурно-политического характера, привлекали большое внимание специалистов и общественности [9, с. 393]. В качестве официального оппонента он участвует в докторских диспутах, выступает на обсуждениях научных докладов коллег.

Вскоре после разгрома немецких войск под Москвой ученый начинает подумывать о возвращении в столицу с ее богатыми архивами и библиотеками, чтобы более эффективно продолжить научную деятельность. Он, как и многие пребывавшие в эвакуации коллеги, не сомневается, что 1942 год станет победным годом. В частности, живший в Самарканде профессор Д. А. Жаринов, с которым Пичета работал в 1920-е годы в БГУ, пишет ему 11 марта 1942 г., что раз Сталин сказал, что скоро выгонят немцев из Беларуси, то так оно и будет. Жаринов делился также своими соображениями относительно возрождающейся научно-педагогической деятельности белорусских ученых: «Знаменателен и созыв сессии Белорусской академии наук. Но если и возродится Белоруссия, и возродится ее славный университет, то Вы, конечно, возглавите его работу..» [3, л. 26–27]. Находившийся в Москве и более, нежели Жаринов, информированный в военно-политической ситуации, в частности, неудачах Красной Армии на Юге, А. Л. Сидоров рекомендует Пичете в письме 12 июля 1942 г. не спешить с переездом в Москву. Он желает адресату успехов, особенно в плане завершения работы над «Историей Польши» [5, л. 1].

И действительно, ученый в это время сосредотачивает преимущественное внимание на этом объекте – «Истории Польши». В составленной им информации о работе сектора славяноведения в разделе «Что написано в 1941–1943 гг. (крупные работы)» первыми значатся его «История Польши до 1795 г.», ч. 1 (35 печ. лист.) и «История Польши», ч. 2, с 1795 по 1846 г. (15 печ. лист.). В разделе «Что делает сектор сейчас» читаем: «Работает над сборниками и книгами...г) История Польши, после 1846 г. – до 1914 г. – В. И. Пичета». Пичету беспокоят и перспективы развития сектора в связи с возможным отъездом части его сотрудников-политэмигрантов на родину. В заключительном разделе информации он, в частности, пишет: «...необходимо теперь же привлечение возможно большего количества аспирантов, чтобы подготовить историков-славистов даже в том случае, если им в настоящее время незнакомы славянские языки. Без этих экстренных мероприятий невозможно обеспечить сектор славяноведения научно-исследовательскими работниками и возрождение советского славяноведения неизбежно замрет» [19].

Помимо работы в секторе славяноведения В. И. Пичета участвует и в деятельности белорусской Академии наук. 17 февраля 1942 г. ЦК КП(б)Б во

изменение своего постановления от 31 января этого же года принимает решение о созыве 10 марта 1942 г. в Казани сессии Академии наук БССР. В утвержденной повестке дня ее работы значатся доклады вице-президента Якуба Коласа – об итогах научной деятельности Академии за 1941 год, Янки Купалы – о белорусской интеллигенции в дни Великой Отечественной войны и выступление президента К. В. Горева с планом научно-исследовательской деятельности Академии на 1942 год. Приехавший на сессию Якуб Колас пишет накануне ее открытия жене: «Мяне цікавіць, ці прыедуць Ліпатаў, Пічэта. Покі што пра іх нічога не чуваць... 11 марта. З прычыны таго, што мала з'ехала народу сесію адлажылі да заўтрашняга дня. Заўтра, 12 сакавіка, адчыняецца сесія. Ніхто з Ташкенту так і не прыехаў» [16, с. 91].

И тем не менее, Пичета незримо присутствовал на сессии: его имя неоднократно звучало как в докладах Янки Купалы и Якуба Коласа, так и в выступлении президента Академии. А через полгода он вместе с проживавшими в Ташкенте Якубом Коласом, С. М. Липатовым, С. М. Михоэлсом и другими деятелями науки и культуры подпишет направленную в адрес секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко телеграмму в связи со смертью 28 июня 1942 г. Янки Купалы.

На очередной сессии, открывшей свою работу в Ташкенте 29 ноября 1942 г., Пичета уже не только присутствует лично, но и выступает с одним из основных докладов «Белорусский народ среди славянских народов», над подготовкой которого он тщательно работает¹. Об этом ученый пишет 5 августа 1942 г. из Москвы, где находился в длительной командировке, в Ташкент Якубу Коласу: «Я много работаю и порядком устал. Надо спешить с окончанием работ и с отъездом. Ведь впереди доклад на сессии АН БССР. Я чувствую себя хорошо, но одиноко и морально тяжело. Но дух мой бодр, и это поддерживает меня и укрепляет мои силы» [28, с. 334]. Выступлению Пичеты на сессии предшествовало обсуждение тезисов его доклада, о чем информировал председателя СНК БССР И. С. Былинского его заместитель И. Ф. Волошин 14 декабря 1942 г. Он, в частности, писал: «Сессия...начала свою работу 29 ноября с.г. Мы прибыли в Ташкент 27 ноября и поэтому имели возможность ознакомиться с повесткой дня и тезисами отдельных докладов. В результате этого ознакомления нами было предложено ...просмотреть на заседании президиума тезисы доклада академика Пичеты «Белорусский народ среди славянских народов», так как в этих тезисах имели место отдельные политические ошибки» [6, с. 179]. Как отмечают современные белорусские историки, ссылаясь на прессу и архивные документы, «доклад [В. И. Пичеты] быў прачытаны, але праз якую стрэсавую сітуацыю давялося прайсці вядомаму гісторыку і ўжо немаладому чалавеку, мы можам толькі здагадацца» [13, с. 14].

Несмотря на достаточно непростые отношения В. И. Пичеты с белорусским партийным руководством, он, тем не менее, активно участвует не только в работе над коллективным трудом «История Белоруссии» (т.1), но и в подготовке популярных брошюр по особенно актуальной в условиях войны тематике – о братстве белорусского и русского народов, о культурном прошлом

¹ В утвержденной ЦК КП(б)Б 9 октября 1942 г. повестке дня работы сессии первым значился доклад «Вековая дружба белорусского и русского народов и их совместная борьба против немецких захватчиков». При этом фамилия докладчика не указывалась [26, с. 141]. С этим докладом на сессии выступал Я. Колас. Доклад Пичеты вообще не значился в повестке дня работы сессии.

Беларуси, о героическом прошлом белорусского народа и др. Сообщая об этом 3 декабря 1942 г. в письме секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову и предлагая напечатать в журнале «Славяне», редактором которого тот являлся, свою статью, в основе которой – доклад на только что прошедшей сессии белорусской Академии наук, В. И. Пичета завершает письмо следующим заверением: «Считаю долгом Вас уведомить, что я по указанию ЦК БССР выполню любую работу по истории белорусского досоветского периода» [28, с. 335]. К сожалению, это заверение не нашло отклика: статья Пичеты «Белорусский народ в семье славянских народов» так и не появилась ни в журнале «Славяне», ни в других периодических изданиях [29]. Более того, получив 27 апреля 1943 г. от Горбунова сообщение о том, что редактирование подготовленного им совместно с К. М. Поликарповичем, А. П. Пьянковым и И. Ф. Лочмелем 1-го тома «Истории Белоруссии» передается Якубу Коласу, В. И. Пичета выражает протест по этому поводу, оставляя за собой право использовать работу по собственному усмотрению «без всяких руководств и редакций малокомпетентных лиц». «Я, – пишет он 12 мая 1943 г. Горбунову, – принимаю во внимание все политические замечания, но в научном отношении я являюсь специалистом по истории БССР и считаю других лиц мало компетентными. Поэтому я не нуждаюсь в чьей бы то ни было редакции» [28, с. 338–339].

В июне 1943 г. ученый возвращается в свою московскую однокомнатную квартиру на Остоженке. Как вспоминал зачисленный в конце 1943 г. по его рекомендации в аспирантуру Института истории Академии наук Н. Н. Улащик: «Гэты пакой быў рабочым кабінетам, бібліятэкаю (даволі вялікай, хаця, відаць, гэта былі рэшткі збораў) і кухняй. “Кухня” знайходзілася ў закутку пакоя. Гэта быў стол, на якім стаяў прымус і нейкая пасуда. Пічэта пражыў у гэтай кватэры да канца 1946, ці да пачатку 1947-га, калі атрымаў прыстойную кватэру, у якой жыць аднак не давялося» [35, с. 463].

Владимир Иванович участвует в деятельности союзной Академии наук, одновременно работая и в Отделении общественных наук белорусской Академии. Выступая 2 октября 1943 г. на заседании последнего, где обсуждался вопрос об организации его работы, Пичета довольно резко критиковал не только Отделение, но и Академию в целом, характеризуя ее как “мертвое учреждение”, авторитет которого очень занижен. В целях улучшения работы академии он считает необходимым восстановить в ней А. П. Пьянкова, М. Г. Ларченко, вызвать К. М. Поликарповича, Л. И. Фигловскую и др. [24, л. 87]. Как свидетельствует докладная записка академика-секретаря Отделения общественных наук академика В. Н. Перцева, 1 ноября 1943 г. направленная в Президиум Академии и отдел пропаганды ЦК КП(б)Б, многие из замечаний и предложений Пичеты были учтены и вошли в намечаемый к реализации план улучшения работы Отделения.

21 октября 1943 г. накануне вылета по распоряжению президента белорусской Академии наук в недавно освобожденный Харьков В. И. Пичета пишет записку П. К. Пономаренко с просьбой принять его для разговора. Характер записки указывает на то, что автор ее более чем взволнован. «Мне необходимо поговорить с Вами о самом себе, – пишет он, – так как мне надо выяснить, стоит ли мне работать в АН БССР или же уйти. Я всю свою жизнь посвятил изучению истории Белоруссии и ее культуры...Тов Пономаренко,

убедительно прошу Вас принять меня. От этого зависит моя судьба, моя научная работа»[28, с. 342]. Как рассказывал автору этих строк бывший в годы войны секретарем ЦК КП(б)Б по кадрам Н. Е. Авхимович, Пономаренко принял Пичету. Их встреча продолжалась несколько часов и в результате ученый принял решение сконцентрироваться преимущественно на работе в союзной Академии наук, продолжая, тем не менее, поддерживать контакты и с белорусской Академией. К нему обращаются белорусские историки, работники архивов и музеев с просьбами о содействии по различным вопросам: о подтверждении обучения в БГУ, рекомендациях для работы в архивных, музейных учреждениях, получении экспертных заключений, наконец, финансовой поддержке и т.п. И Пичета, чем может, помогает просителям.

С началом освобождения Беларуси партийно-государственное руководство республики переезжает в освобожденный 26 ноября 1943 г. Гомель. В январе 1944 г. здесь отмечается четвертьвековой юбилей БССР. Этому же событию В. И. Пичета посвятил и свой доклад «25-летие создания Белорусской ССР», с которым 6 января 1944 г. выступил на заседании сектора истории советского периода ИИ АН СССР, которое вела член-кор. АН СССР и академик АН БССР А. М. Панкратова [12]. Доклад во многом опирался на воспоминания ученого, находившегося в гуще происходивших в 1920-е гг. в Беларуси событий, а также ассоциации, возникшие у него в связи с ныне происходившими. «Я был в Минске в декабре 1920 г. после ухода поляков, – говорил Пичета, – и должен признать, что он по своей внешности напоминал разрушенный город, вроде Харькова, разрушенного немцами» [12, с. 43]. Большое место в докладе ученый отвел освещению роли БГУ в развитии белорусской культуры: «Я должен специально отметить, что если бы не было Белорусского государственного университета, который был создан в самых тяжелых условиях, то дальнейшее открытие высшей школы и формирование белорусской культуры и белорусской интеллигенции проходило бы более болезненно и с весьма значительными затруднениями... Я считаю, что Белорусский университет сыграл большую роль в области развития белорусской культуры. Он формировал белорусскую интеллигенцию...» [12, с. 51–52].

Научная деятельность В. И. Пичеты в годы Великой Отечественной войны вылилась в более чем 75 опубликованных им статей [32, с. 228]. Многие из написанного, к сожалению, не дошло до печатного станка, причиной чему порой становилась позиция ученого, явно расходившаяся с существовавшей в то время официальной историографией. Не вдаваясь в детали этих расхождений (на этот счет существует достаточно работ современных белорусских историков), отметим лишь продолжавшиеся и в 1945–1946 гг. нападки на Пичету со стороны партийного руководства Беларуси, порой носившие откровенно вульгаризаторский характер (имеются в виду выступления П. К. Пономаренко на февральском 1945 г. Пленуме ЦК КП(б)Б, У1 Пленуме ЦК ЛКСМБ (29 марта 1945 г.), заседании Бюро ЦК КП(б)Б 28 октября 1946 г. и др.).

Значительной была и общественная деятельность ученого в годы войны: его работа в созданном в октябре 1941 г. Всеславянском комитете, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР (создана в декабре 1942 г.), выступления по радио, в воинских частях с лекциями и докладами на военно-патриотическую тематику. В. И. Пичета вел также активную педагогическую деятельность: с

возобновлением работы МГУ читал лекции для его студентов, руководил аспирантами.

Как писал ему в мае 1943 г. находившийся в Казани бывший профессор БГУ А. Н. Вознесенский: «За время войны я внимательно следил за Вашими выступлениями по радио и в печати. Я поражаюсь и поражаюсь Вашей творческой энергии и Вашей научной продуктивности. Счел безусловно заслуживающим того, чтобы ее отметили. Н. Ф. Бельчиков недавно мне сообщил, что МГПИ...выставляет Вашу кандидатуру в действ[ительные] члены Ак[адемии] наук СССР. Я очень рад за Вас и считаю, что Вы давно уже заслужили право на *курульное кресло*¹» [37, с. 144]. И действительно, многогранная научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность ученого в годы Великой Отечественной войны была отмечена Почетной грамотой Военного совета Среднеазиатского военного округа и Центрального союза деятелей высшей школы. В 1943 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. В 1945 г. в связи с 220-летием Академии наук СССР он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». В 1946 же году ученый будет избран и действительным членом союзной Академии наук.

Ни на минуту не сомневаясь в победоносном окончании войны, В. И. Пичета, как и его коллеги по историческому цеху, эти «люди пера, а не ружья», как называли они себя сами, пророчески говорили о том, что «будущие поколения станут с остервенением изучать нашу великую историческую эпоху», эпоху, овеянную не только славой побед, но и горечью утрат и поражений [32, с. 225].

Библиографические ссылки

1. Архив РАН. Ф. 1548(В. И. Пичета).. Оп. 2. Д. 69
2. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 148.
3. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 87.
4. Архив РАН. Ф. 1548 . Оп. 3. Д. 171.
5. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 203.
6. Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г.–1944 г. Сб. док. и мат. Вып. 1. Июль 1941 г.–1942 г. Минск: НАРБ, 2010. 258 с.
7. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий/Сост. и авт. предисл. Н.В.Токарев.–Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 120 с.
8. Б.Д.Греков . Письма (1905–1952 гг.)/Сост. В. Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с.
9. Зинич М. С. Институт истории АН СССР в 1943–1945 годы (по документам коллекции Научного архива Института российской истории РАН)// Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина. Материалы Междунар. научной конфер. Архив РАН–РГГУ/Отв. ред. В. П. Козлов. М.: Архив РАН, 2020. С. 389–403.
10. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг.–1960 г.): док. и мат/ сост.: С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. Минск: БелНИИДАД, 2015. 438 с.
11. «Искренне любящий Вас Старик» (письмо Д. И. Довгялло В. И. Пичете) (подг. М. Ф. Шумейко) // Архивы и делопроизводство. 2003. № 6. С. 91–94.

¹ В Древнем Риме–стульчик без спинки, на который имели право садиться только высшие сановники.

12. «История белорусского народа довольно своеобразна» Доклад В. И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР», 1944.// Исторический архив. 2016. № 3. С. 32–55.
13. Кузьменка У. І., Скалабан В. У. Акадэмік У. І. Пічэта: выпрабаванне лёсам // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 6. С. 11–18.
14. Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства, встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 298–300.
15. Купала Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т.8. Артыкулы, нататкі, выступленні. Калектыўныя творы.–Мн.: Маст. літ., 2002. 462 с.
16. Купала і Колас, вы нас гадавалі: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 2 1939–2009. Ч. 1/Уклад.: В. Дз. Селяменеў, В. У. Скалабан.–Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. 384 с.
17. Лінднер Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ХІХ–ХХ ст./Пер. з ням. Л. Баршчэўскага.–СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. 540 с.
18. Мицкевич Д. Любичь і помніць. Мн.: “Полымя”, 2000.
19. Научный архив ИРИ РАН.
20. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13999.
21. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14635.
22. НАРБ. Ф. 4 п. Оп.1. Д. 15598.
23. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 27. Д. 252.
24. НАРБ. Ф. 4 п. Оп.47. Д. 15.
25. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 123. Д. 133.
26. Национальная академия наук Беларуси. 1928–2008 гг.: документы и материалы/сост. Н. В. Василевская и др.Минск: Белор. наука, 2008. 767 с.
27. НКВД в Западной Беларуси: сентябрь–декабрь 1939 г.: док. и мат. Минск–Москва: Фонд «Историческая память», 20019. 384 с.
28. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта–Уладзімір Іванавіч Пічэта/склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі.Мінск: БДУ, 2011. 375 с.
29. Владимир Иванович Пичета. Биобиб. указ. [Сост. Е. Я. Дукор].–Мн.: Изд-во БГУ, 1978. 112 с.
30. Пичета В. И. История Белоруссии в советской исторической науке // В кн.: Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.–Л., 1942. С. 179–188.
31. Пичета В. И. «Дневниковые записи. 1944–1946 гг.» (подг. Л. И. Уткина) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4. Минск: БГУ, 2009. С.333–337.
32. Руколь Б. М. Переписка М. Н. Тихомирова с В. И. Пичетой (1941–1943 гг.) //Археографический ежегодник за 1982 год. М.: Наука, 1983. С. 224–232.
33. Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
34. Улада і грамадства БССР у 1929–1939 у дакументах сакрэтнага аддзела/асобага сектара ЦК КП(б)Б/Склад. Раманава І. Мінск: Логвінаў, 2019. 1120 с.
35. Улашчык М. Выбранае.–Мн.: “Беларускі кнігазбор”, 2001. 608 с.
36. Шумейко М. Ф. Академик В.И.Пичета о К.Калиновском // Згода. 1993. №10.
37. Шумейко М. Ф. Исследователь творчества Янки Купалы и Якуба Коласа (к 130-летию со дня рождения А. Н. Вознесенского) // Эхо веков: Научно-документальный журнал (Казань). 2018. № 2(91). С.137–149.
38. Шумейко М. Ф. Неудавшаяся попытка интеграции бывшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939–1941 гг.) //Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции. М.: Архив РАН, 2013. С. 250–260.
39. Шумейко М. Ф. В. И. Пичета о К. Калиновском: неопубликованная рецензия ученого // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып.8. Мн.: БГУ, 2013. С. 215–222.
40. Arche. 2001. № 5.